

12. УРЕС – Український радянський енциклопедичний словник у трьох томах. – К. : Вид-во АН УРСР, 1966 – 1968 рр. – Том II.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырех томах / Макс Фасмер. Т. 1. – М. : Прогресс, 1964. – 562 с.; Т. 3. – 1971. – 827 с.
14. Шевелев И. А. Психофизиология сенсорных процессов. Передача и переработка сенсорных сигналов / Игорь Александрович Шевелев // Психофизиология. Учебник для вузов / Под ред. Ю. И. Александрова. – СПб. : Питер, 2006. – С. 42 – 82.
15. Harper D. Online Etymology Dictionary [Електронний дискурс], nov., 2001 / Douglas Harper. Режим доступу: <http://www.Etymonline.Com/>
16. Jackendoff R. Patterns in mind: language and human nature / Ray Jackendoff. – New York : Basic Books, 1994. – 246 p.
17. James C. Contrastive Analysis / Carl James. – Harlow : Longman, 1980. – 208 p.

Anatoliy Bezpalenko

***Resemblance / likeness or contiguity? Linguistic proofs
(gestalt and contiguity principle)***

New gestalt-theoretical point of view on the changes in word's contents is given in the article. Psycho-physiological basis for these changes is contiguity principle. One of the proofs of it is the etymology of the words which have cognitive semantics.

Key words: gestalt-theory, contiguity principle, metonymy, metaphor, sensory masking, cognitive science, psycholinguistics.

Ирина Литвин

**ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РОМАНА
И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» И ЕГО
УКРАИНСКОГО ПЕРЕВОДА**

Статтю присвячено проблемі художнього перекладу споріднених мов. Проаналізовано еквівалентність фразеологізмів роману І. Ільфа та Є. Петрова «Дванадцять стільців» та його українського перекладу.

Ключові слова: художній переклад, еквівалентність, фразеологізм.

В международном культурном пространстве всегда значительную роль играл художественный перевод как универсальный прием коммуникации и взаимодействия культур. Актуальной проблемой современного переводоведения является изучение различных типов эквивалентности художественного текста и его перевода. Особую переводческую проблему составляет перевод фразеологических единиц, сохраняющих, по определению Е. Селивановой, «в устойчивой форме представления этноса о мире, культурную, историческую и мифологическую интериоризацию действительности и внутреннего опыта народа» [5, с. 11]. Фразеологизмы являются своеобразной этнокультурной рефлексией говорящего в коммуникативной ситуации, поскольку он сознательно или несознательно соотносит личное эмоционально-оценочное отношение и ценностную ориентацию с содержанием знака, а образное содержание оборота с эталонами и стереотипами национально-культурного восприятия и понимания мира [8, с. 9]. Сохранить национальное своеобразие подлинника – задача особой трудности для переводчика. И. Кашкин писал, что ощущение чужеземности в переводе достигается не внешней формальной экзотикой, не поверхностным копированием чужезычия, а путем глубоко понятой и чутко переданной сути, в которой заключена национальная особенность оригинала [цит. по: 1, с. 186].

Переводу фразеологизмов уделено внимание в работах теоретиков романо-германского перевода (В. Виноградова, Е. Бреус, И. Алексеевой, С. Кузьмина, А. Утробинной и др.); практически обойден вниманием этот вопрос в незначительном количестве работ, посвященных славянскому, в частности русско-украинскому переводу, художественных текстов.

В нашей статье предпринята попытка описать способы передачи эквивалентности фразеологических единиц романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и его украинского перевода. Эквивалентность рассматриваем как адекватность содержательных массивов оригинала и

перевода, а также как тождественность прагматического влияния оригинала на собственного читателя и перевода на читателя переводного текста [6, с. 452].

В. Виноградов, исходя из переводческих задач, все устойчивые сочетания делит на три большие группы: предикативные, компаративные и лексические. Все три группы имеют место в текстах оригинала и украинского перевода романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

Большую группу в романе составляют лексические фразеологизмы – семантически соотносимые со словами, понятийно аналогичны им. Такие обороты включены в словарный состав языка в качестве аналогов различных частей речи, характеризуются семантической целостностью, образным эмоционально-экспрессивным значением. Оптимальное переводческое решение при переводе лексических фразеологизмов В. Виноградов видит в поиске идентичной единицы в языке перевода: «в переводе необходимо сохранить смысловое, эмоционально-экспрессивное и функционально-стилистическое содержание, которое передавалось соответствующим устойчивым словосочетанием в контексте оригинала» [1, с. 184]. Фразеологизмам оригинала, по мнению В.С. Виноградова, в языке перевода могут соответствовать устойчивые обороты, отдельные слова и свободные словосочетания, обладающие эквивалентным объемом информации [1, с. 186].

В украинском переводе М. Пылинской романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» используются фразеологизмы, идентичные фразеологизмам оригинала – с одинаковым значением, стилистической окраской и внутренней формой (полные эквиваленты): *И дальше замыслил такие прописные истины, что толпа похолодела* (с. 126) // *І далі замислив такі прописні істини, що натовп похолов* (с. 95); *Кислярский был на седьмом небе* (с. 139) // *Кислярський був на сьомому небі* (с. 106). Во фразеологических словарях русского и украинского языков представлены соответствующие значения: *прописная истина* – «то, что всем хорошо известно, неоспоримо» [9, с. 284]; «всем известная, тривиальная мысль» [2, с. 615], «общеизвестный, избитый, лишенный оригинальности» [7: 3, с. 510]; *прописна істина* – «загальновідома, загальнозрозуміла, елементарна річ» [10, с. 352]. *На седьмом небе – на сьомому небі* – «безгранично счастливым, глубоко удовлетворенным (быть, чувствовать себя)» [9, с. 270].

М. Пылинской в качестве соответствий избираются фразеологизмы с одинаковым значением и стилистической окраской, но различным лексическим наполнением (неполные, или частичные, эквиваленты): *Воробьи несли разный вздор* (с. 102) // *Горобці верзли всілякі дурниці* (с. 78). Компоненты фразеологизмов-эквивалентов являются относительными межъязыковыми синонимами: (*нести (пороть) ахиною (дичь, вздор, ерунду, галиматью, чушь) – верзти (плести) нісенітниці(ю); теревені правити; говорити (молоти, верзти) дурниці (казна-що)*) [3, с. 349];

Регулярно через каждые три минуты весь вагон надсаживается от смеха (с. 30–31) // *Регулярно що три хвилини весь вагон аж боки рве з реготу* (с. 26). В «Украинско-русском и русско-украинском фразеологическом словаре» предлагаются такие соответствия: *надрываться со смеху – аж надриватися (перериватися) від (зі, зо) сміху (від реготу, з реготу)* [3, с. 334]; *рвати (порвати) кишки (животи, боки) зо сміху (від сміху, з реготу, від реготу) – надривать живот (животики, кишки) со смеху (от хохота)* [3, с. 162]. Во «Фразеологическом словаре русского языка» и «Фразеологическом словаре украинского языка» отмечены такие значения: *надсадить живот со смеху* – «нахохотаться до изнеможения» [9, с. 10]; *боки рвати з реготу* – «дуже сміятися, реготати» [10, с. 732].

При отсутствии непосредственных соответствий М. Пылинская исходный фразеологизм переводит путем поиска аналогичной фразеологической единицы, имеющей общее или аналогичное с оригиналом значение, равную стилистическую окраску, но построенной на иной словесно-образной основе. Например: – *Это тоже была одна видимость* (с. 77) // *Це теж було лише про людське око* (с. 59). Во фразеологических словарях русского и украинского языков представлены следующие значения: *одна видимость* – «обманчивое впечатление» [9, с. 81]; *про людське (чуже) око* – «удавано, для створення, підтримання певного враження, потрібної думки про кого-, що-небудь» [10, с. 585]. А в «Украинско-русском и русско-украинском фразеологическом словаре» зафиксированы соответствия: *одна видимость – тільки так здається* [3, с. 358]; *про людське око – для порядку, для приличия, для видимости, для вида, на показ* [3, с. 54]. Так как в обоих фразеологизмах присутствует сема *обманчивое впечатление*, можно говорить о том, что переводчик использовала фразеологизм с аналогичным значением.

Сложность перевода фразеологизмов романа «Двенадцать стульев» связана с его сатирической, юмористической направленностью. Так, фразеологизм с тем же значением, хотя и основанном на ином образе, используется в следующем фрагменте перевода: *Это от отсутствия технических навыков. Не будьте божьей коровой* (1, с. 89) // – *Це через брак технічних навичок. Не будьте невинним ягнятком* (2, с. 68). *Божья корова* – трансформированный фразеологизм *божья коровка* –

«Тихий, безобидный, не умеющий постоять за себя человек» [9, с. 208]. Переводчик останавливается на украинском эквиваленте узуального фразеологизма (*божья коровка – невинне ягнятко*), а не индивидуально-авторского; при этом утрачивается игра слов, построенная на омонимии знака *коровка* – это и уменьшительное от слова *корова* (животное), и компонент наименования насекомого *божья коровка*. На семантико-стилистическом уровне данный прием определяется как мерцающее значение (Хахам) – «семантическое явление актуализации в слове при его употреблении в тексте одновременно двух и более значений, что способствует созданию определенного стилистического эффекта» [6, с. 323]. Возможным вариантом перевода было бы соответствие *невинна вівця*.

Через пять минут стул был обглодан. От него остались рожки да ножки (1, с. 73) // *Через п'ять хвилин стілець було обгризено. Від нього лишилися ріжки та ніжки* (2, с. 56). В «Украинско-русском и русско-украинском фразеологическом словаре» представлено соответствие: *рожки да ножки [остались] – ріжки та ніжки (самі кісточки) [лишилися, zostалися]* [3, с. 400]. Данная фразеологическая единица имеет место во «Фразеологическом словаре русского языка»: *рожки да ножки* – «ничего, почти ничего, совсем ничего не оставляют от кого-либо или чего-либо» [9, с. 197]. Поскольку в украинском словаре фразеологизмов такая фразеологическая единица отсутствует, то украинский фразеологизм считаем калькой, т.е. пословным переводом. Калькирование используется и при переводе окказионального фразеологизма с экспрессивно-эмоциональным значением: *А «Нимфа», туди ее в качель, разве товар дает! – заволновался Безенчук* (1, с. 16) // *А «Німфа», туди її в гойдалку, хіба товар дає! – захвилювався Безенчук* (2, с. 15).

Переводя отрывок из романа, насыщенный фразеологизмами-синонимами со значением «умереть», М. Пылинская использует для их перевода как полные соответствия, или эквиваленты, так и кальки: *...вы, считается, ежели, не дай бог, помрете, что в ящик сыграли. А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, приказал долго жить. А если кто чином меньше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят: перекинулся или ноги протянул. Но когда умирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дают* (1, с. 21) // *...ви, вважається, коли, не дай боже, помрете, немовби в ящик зіграли. А котрий чоловік торговий, колишньої купецької гільдії, той, значущця, наказав довго жити. А як на чин хто менший, двірник, приміром, або хто з селян, про того кажуть: перекинувся або ноги задер. Але, коли умирають наймогутніші, залізничні кондуктори або з начальства хто, то вважається, що дуба дають* (2, с. 18). Здесь представлены полные эквиваленты (*дуба дают – дуба дають*) и кальки (*приказал долго жить – наказав довго жити, в ящик сыграть – в ящик зіграти, перекинулся – перекинувся*); фразеологизм в оригинале *ноги протянул* и его соответствие в переводе *задер ноги* отличается семантическими компонентами, но имеют одно значение.

При отсутствии полного или частичного эквивалента-фразеологизма устойчивый оборот переводится словом: *Толпа обратилась в слух* (1, с. 123) // *Натовп завмер* (2, с. 93). В данном случае переводчик прибегает к функциональной замене фразеологизма словом обоснованно, так как в украинском языке нет аналогичной фразеологической единицы: *обратиться в слух* – «внимательно слушать» [9, с. 49]. В переводном русско-украинском словаре фразеологизму представлено свободное сочетание: *обратиться в слух* – «*слухати дуже уважно*» [4: 2, с. 381]. М. Пылинская заменяет фразеологический оборот словом с метафорическим значением *завмер*, сохраняя при этом экспрессивно-образное значение.

Ипполит Матвеевич шел, с интересом поглядывая на встречных и поперечных прохожих (1, с. 68) // *Іполит Матвійович ішов, цікаво поглядаючи на зустрічних перехожих* (2, с. 53). В «Украинско-русском и русско-украинском фразеологическом словаре» зафиксировано соответствие: *встречный и поперечный – кожний (кожен) стрічний* [3, с. 261]. Сохраняя общий смысл, перевод утрачивает игру слов, которая создается в оригинале благодаря мерцающему значению – употреблению сочетания слов *встречные и поперечные* во фразеологическом значении – «всякий, любой без разбора человек» [9, с. 85] и буквальном.

Наблюдается и обратный прием – перевод свободного сочетания фразеологизмом: *Я, например, безумно хочу жрать* (1, с. 131) // *Я, приміром, страх як хочу жерти* (2, с. 99). Лексическое значение единиц соответствует: *безумно* – «очень, чрезвычайно» [7, с. 76]; *страх як (хочется)* – «дуже, надзвичайно» [10, с. 866]. На наш взгляд, перевод удачный, поскольку сохранена денотативная и коннотативная (экспрессивно-эмоциональная и стилистическая (разговорное)) информация оригинала. *Ничего еще не евший с утра Воробьянинов злобно ругал все парфюмерные заводы* (1, с. 53) // *І ріски в роті не мавши з саміснього ранку, Вороб'янінов люто лаяв усі парфумерні заводи* (2, с. 41). В данном фрагменте причастный оборот *ничего еще не евший* переведен устойчивым сочетанием *і ріски в роті не мавши* – «хто-небудь дуже голодний; **зовсім нічого не їв**, не пив» [10,

с. 63]. Таким образом, М. Пылинская удачно заменяет свободное сочетание фразеологическим оборотом, привнося в текст перевода дополнительную образность.

Но Остап Бендер, длинный благородный нос которого явственно чуял запах жареного, не дал дворнику и пикнуть (1, с. 49) // Але Остап Бендер, чий довгий благородний ніс виразно чув запах печеного, не дав двірникові і пискнути (2, с. 35). В переводных украинско-русских и русско-украинских фразеологических словарях не дается соответствий данных сочетаний. *Запах жареного* – трансформированный русский фразеологизм: *пахнет жареным* – «о чем-нибудь выгодном, заманчивом, пикантном» [7: 1, с. 472]. М. Пылинская слово *жареный* передает словом одной тематической группы *печений*, на наш взгляд, сознательно избегая лексемы *смажений*, поскольку близкий по структуре фразеологизм в украинском языке *запахло смаленим (смаженим)* – имеет другое значение: «загрожує кому-небудь або передбачається небезпека, загибель, неприємність, сварка, бійка» [10, с. 610].

Компаративные фразеологизмы закрепились в языке как устойчивые сравнения [1, с. 183]. В украинском переводе романа наблюдаются случаи замены фразеологизма сравнительным оборотом: *Полесов вытянулся в струну* (1, с. 133) // *Полесов випнувся, як струна* (2, с. 100). В основе фразеологизма *вытянуться в струнку* – «стоять навтыяжку» [9, с. 128] (*стоять навтыяжку* – «стоять прямо, вытянув руки по швам» [7: 2, с. 335]) положено уподобление человека предмету, персонаж сравнивается со струной. Поэтому вполне обосновано русский фразеологизм в романе (*вытянуться*) в струну переводится сравнительным оборотом *як струна (випнувся)* (в украинском фразеологическом словаре оборот *як струна* не фиксируется).

Свободное метафорическое словосочетание *смертельно пьян* М. Пылинская переводит украинским компаративным фразеологизмом (*п'яний*) *як чіп*: *Тут только Ипполит Матвеевич заметил, что мастер смертельно пьян* (1, с. 17) // *Тут тільки Іполит Матвійович помітив, що майстер п'яний як чіп* (2, с. 15). В словаре русского языка представлено следующее толкование: *смертельно* – «переносное: Очень сильно, крайне (о чем-нибудь отрицательном, неприятном)» [7: 4, с. 151], во фразеологическом словаре украинского языка: *як чіп (п'яний)* – «дуже сильно, у великій мірі» [10, с. 949]. Таким образом, в обеих единицах присутствует сема меры и степени (очень сильно), сохранено стилистическое значение (разговорное).

В романе используются не зафиксированные словарями, но бытующие в речи фразеологизмы, которые при переводе калькируются: *Доказав Полесову, как дважды два – четыре, что...* (1, с. 167) // *Довівши Полесову, як двічі по два чотири, що...* (2, с. 189); *Что ж вы на меня смотрите, как солдат на вошь* (1, с. 167) // *Що ж ви на мене дивитесь, як солдат на вошу* (2, с. 148).

Предикативные фразеологизмы – это пословицы, поговорки, афоризмы и другие устойчивые суждения, в которых отразились трудовой, нравственный и житейский опыт народа, практическая философия и житейская мудрость [1, с. 192]. Предикативные фразеологизмы в романе И. Ильфа и Е. Петрова это, как правило, разговорные, не зафиксированные словарями выражения; индивидуально-авторские и трансформированные языковые пословицы и поговорки. Так, не нашло отражения во фразеологических словарях, но имеет место в разговорной речи выражение: *скоро только кошки родятся* (1, с. 108) // *скоро тільки коти плодяться* (2, с. 82); В украинском переводе представлена калька, при этом сохранено национальное своеобразие: предпочтение в украинских паремиях отдается коту, а не кошке.

Калькируется переводчиком и построенная авторами романа «Двенадцать стульев» по аналогии к пословице *Жизнь прожить – не поле перейти* паремия: *Трамвай построить – это не ишака купить* (1, с. 124) // *Трамвай побудувати – це не ішака купити* (2, с. 94). Русскую половицу *Сделал дело – гуляй смело* напоминает лозунг в романе *Сделал свое дело – и уходи* (1, с. 6) // *Зробив свою справу – йди*. Прием калькирования применен при переводе трансформированного предикативного фразеологизма: *...стулья нужно ковать, пока они горячи* (1, с. 146) // *... стільці треба кувати, поки вони гарячі* (2, с. 126) (ср. с поговоркой *Куй железо, пока горячо*). Иногда к простым нефразеологизированным предложениям переводчик подбирает эквивалент-фразеологизм: *Растрчивает чужие деньги* (1, с. 137) // *Пускає на вітер чужі гроші* (2, с. 114) Выражение И. Ильфа и Е. Петрова *Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Лед тронулся* (1, с. 43) стало крылатым. Перевод этого фразеологизма М. Пылинской на украинский язык, на наш взгляд, весьма удачный: – *Крига скресла, панове присяжні засідателі! Крига скресла* (2, с. 35). В «Украинско-русском и русско-украинском фразеологическом словаре» даются следующие соответствия: *Лед тронулся* – *крига скресла (пішла, рушила)*; *лід пішов (рушив)* [3, с. 323]. В русском и украинском фразеологических словарях определены такие значения фразеологизма: *Лед тронулся* – «Положено начало чему-либо» [9, с. 344]. *Крига скресла* – «Почалося, настало що-небудь довгоочікуване, сподіване» [10, с. 396].

Таким образом, при переводе фразеологических единиц в художественном тексте важно сохранить смысловую, коннотативную (оценочную, эмоциональную, экспрессивную, стилистическую) и функциональную информацию оригинала. Фразеологизму оригинала может соответствовать фразеологизм, свободное словосочетание (описательный оборот) или слово перевода, обладающие эквивалентным объемом информации. Перспективным является изучение различных типов эквивалентности художественного текста и его перевода на близкородственные языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – М. : КДУ, 2006. – 240 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1991. – 917 с.
3. Олійник І. С. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / І. С. Олійник, М.М. Сидоренко. – К. : Радянська школа, 1978. – 447 с.
4. Русско-украинский словарь. В 3-х томах / Под ред. С. И. Головащук. – К. : Наукова думка, 1970. – Т.1 – 700 с., Т.2 – 756 с., Т.3 – 727 с.
5. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова. – К.-Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
6. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1 – 698 с., Т. 2 – 736 с., Т. 3 – 752 с., Т. 4 – 794 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвистический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1996. – 190 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.
10. Фразеологічний словник української мови [укл. В. М. Білоноженко, В. О. Винник, І. С. Гнатюк та ін.]. – К. : Наукова думка, 1999. – 984 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Ильф И. Двенадцать стульев / И. Ильф, Е.Петров. – Коми, 1970. – 396 с.
2. Ильф І. Дванадцять стільців. Золоте теля: Романи / І. Ильф, Є. Петров ; Пер. з рос. М. Пилинської, Ю. Мокрієва. – К. : Дніпро, 1989. – 598 с.

Irina Lytyyn

Equivalency of phraseological units in the novel «Twelve chairs» by I. Ilf and Ye. Petrov and its Ukrainian translation

The article is devoted to the problem of literary translation in the kin languages and deals with the analysis of equivalency in phraseological units in «Twelve chairs» by I. Ilf and Ye. Petrov and its Ukrainian translation.

Key words: literary translation, equivalency, phraseological unit.

Олена Вікторіна

МАТЕРІАЛИ ДО ФРАЗЕОЛОГІЧНОГО СЛОВНИКА КІРОВОГРАДЩИНИ (СОМАТИЧНІ ФРАЗЕОЛОГІЗМИ)

У розвідці запропоновано матеріал для Фразеологічного словника Кіровоградщини. Подано 211 соматичних фразеологізмів з фонетичними, морфологічними, лексичними дублетами, що не засвідчені у «Фразеологічному словнику української мови»; схарактеризовано основні принципи структурування лексикографічних статей.

Ключові слова: діалекти Кіровоградщини, соматична фразеологія, соматичні компоненти.

Одним із актуальних завдань сучасної української лінгвістики, за визначенням дослідників східнословобанських і степових говірок Донбасу В. Ужченка і Д. Ужченка, «є виявлення національно-культурної специфіки окремої мови, особливостей світобачення, світорозуміння й вербального реагування на навколишню дійсність, у тій чи іншій мірі реалізованих в ареальних фразеологічних стереотипах» (ФСГД, с. 11). Українськими фразеографами вже зібрано й опубліковано фразеологізми деяких говірок (Аркушин; ВархІвч; Доброльожа1; Доброльожа2; ФСГД; Чабаненко).

Однак в українській діалектології відсутні цілісні дослідження фразеологізмів у говірках Кіровоградщини. Мовлення мешканців зазначеної території досліджували на матеріалі географічної